

Владимир Черняков

Записки грешника

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Черняков

Записки грешника

<https://litres.ru/73876683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга написана в стиле – яркий и современный «циничный юмор», Автор не сочиняет развлекательные сказки - он пишет о боли, о вере, о надежде и о любви, в общем, «во многой мудрости много печали». В этом сборнике «конец» рассказов редко бывает таким, каким вы его ожидаете — будь то история любви или случай, когда вас заживо похоронили тостом пьяного соседа. С точностью механика и остроумием человека, повидавшего всё, Владимир исследует жизненный разрыв между тем, чего хотелось бы, и тем, что получилось. Атмосферный, тонкий, дерзкий и бескомпромиссно честный взгляд на жизнь.

Инженеры души, стервы, механики сердца и деревенские пьяницы — рассказы Владимира — это мастер-класс по неожиданному. Приходите за атмосферой, оставайтесь ради развязки.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ	7
УНЫНИЕ	7
ПОХОТЬ	10
ДВЕРНАЯ РУЧКА	10
РЕАЛИИ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ	16
ГНЕВ	17
ЛЮБОВЬ БЕЗ МАСОК	17
ВЕЖЛИВОСТЬ	17
А ГДЕ МУЖ?	20
ГОРДЫНЯ	23
УСПЕШНАЯ ПУСТОТА	23
ЖАДНОСТЬ	32
100 ДОЛЛАРОВ	32
А УГОЛЬ ПОДОРОЖАЛ...	35
СЛУГА НАРОДА	36
ЧРЕВОУГОДИЕ	38
ПАРК КРЮГЕРА	38
ЗАВИСТЬ	39
НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!	39
БЕЛОРУССКИЙ ЦИКЛ	42
БАБУШКА ФЕНЯ	42
ШУРКА	47

ПЕТЯ-НЕМЕЦ	50
ДОНЕЦКИЕ РОДСТВЕННИКИ	51
БЫЧКИ	57
ДЕД ЛЯКСЕЙ КАРПОВИЧ	58
БЕЗВОДИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ	60
САРАЙ	62
ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА	63
ЕВА АДАМОВНА	65
ХОДИКИ	69
СЛУЧАЙ НА РЫНКЕ	70
НУ ЩАСЬЛИВО	72
ПОМИНКИ	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Владимир Черняков

Записки грешника

Эта книга увидела свет благодаря
помощи моего друга и хорошего человека
Славы Токмакова.
Слава, спасибо тебе!

*Говорящий сам от себя ищет славы себе;
а Кто ищет славы Пославшему Его,
Тот истинен, и нет неправды в Нём.
От Иоанна 7:18*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моя радость!

Поиски счастья заводили меня к боли, запоям, тихим черным заводям, чертям, пустым карманам, пинкам, тупикам, полетам мимо звезд, к диалогам с собственной тенью – много ночей подряд. Но я не жалею. Потому что были и вершины. Когда были вершины, понимаешь во всей красе: лучше гор могут быть только горы. Кто-то сказал: «Движение – это жизнь». Для меня – «Движение к вершинам – это жизнь».

Я старался построить сказку, похожую на звездную бездну неба сентябрьской ночи.

Но сказка без любви не похожа на сказку.

Оказывается, любовь зла, но это не повод для слез.

Не надо останавливаться на достигнутых поражениях.

Я пробился к терниям.

А тернии – верный признак близости долгожданных звезд.

СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ

УНЫНИЕ

Когда не стало мамы, едва не стало меня.

Я не спал и не ел две недели и готовился к воссоединению с родителями. По комнате летали привидения, иногда приходила мама. Она расчесывала волосы, стоя перед трюмо в длинной белой ночнушке, и негромко что-то напевала. Ко мне часто назойливо подлетало черное привидение в черном капюшоне, парило в полуметре над лежащим мной и заглядывало мне в лицо. Под черным капюшоном была пустота, как у всадников-назгулов, Кольцепризраков из «Властелина колец» Толкиена. Я понимал, что привидение хочет нагнать на меня ужас. Я показывал фигу Кольцепризраку в предполагаемое лицо и презрительно ухмылялся, говоря: «Не дождетесь, суки».

Потом вмешался Господь и заставил меня начать есть и вставать. Он сказал, что мое время еще не пришло, ибо я еще не исполнил миссию, которую Он мне назначил к исполнению на этом свете.

Я оклемался. Сделал из гостиной спортзал, вновь обрел железные мускулы, стал слушать музыку, читать, общаться с людьми.

Но иногда на меня накатывала тоска, я опять погрузался в одиночество и не видел смысла в продолжении жизни. Часами смотрел в потолок и, кажется, плакал. Потолок слушал мои всхлипывания.

А потом у меня случилось осознанное сновидение, в котором явилась мама: «Сынка, какой самый страшный грех? Знаешь семь смертных грехов? Какой самый нехороший? Уныние! А ну-ка прекрати впадать в уныние! Не надо расстраивать мать. Мы все умрем. Но надо жить, пока живой! А ну, возьми себя в руки! Долой уныние! Жизнь прекрасна!»

Меня разбудил телефонный звонок моего родственника: «Буду у тебя через 15 минут. Я за книгами заеду. Ты обещал мне мешок хороших книг сегодня подготовить».

И тут я с ужасом вспомнил, что действительно обещал Сашке мешок книг. Мама насобираала огромную библиотеку. Книги не помещались на полки и занимали шкафы. Схватив подготовленный дерюжный мешок, я начал лихорадочно нагружать туда книги. И тут раздался звонок в дверь. Приехал Сашка. Я уронил стопку книг, и из одной на пол отлетел листок бумаги. Я схватил его и пошел открывать дверь.

– Привет! Чего так рано приперся? Давай грузи свои книги сам!

Я посмотрел на листок, который, очевидно, служил закладкой. Маминой рукой там было написано: «Грехи. 7 (семь). 1) Уныние; 2) Чревоугодие; 3) Похоть; 4) Гордыня; 5) Зависть; 6) Алчность; 7) Гнев».

И тут я вспомнил сон с мамой накануне.

ПОХОТЬ

ДВЕРНАЯ РУЧКА

Посвящается Олечке Образовской

Гостиница была очень уютной, три этажа, старинное здание с современной начинкой. Окна люкса выходили в парк, который когда-то создавал Штакеншнейдер.

– Ну наконец-то Иванов сподобился устроить нормальный праздник своей девушке на день рождения!

Анжела была довольна. Она достала новенький айфон и принялась делать селфи.

– Иванов, я подсушила ножки. Посмотри на мои икроножные. Правда, красиво? Красиво, да? Чего молчишь?

– Очень красиво, любимая!

– Ну почему мне всегда приходится выбивать из тебя комплименты из-под палки? Что, самому трудно догадаться и сказать своей женщине комплимент? Ой, не пойду я за тебя замуж, Иванов! Между прочим, мой тренер хочет выставить меня на соревнования. Говорит, что у меня очень красивый рельеф. Ну посмотри на мою жопку! И на ножку! Какая красивая ножка. И жопка. И вообще вся я. Если честно, я вообще вся подсушилась довольно серьезно.

Анжела задрала короткую юбку и стала перед зеркалом.

Когда-то Анжела работала бухгалтером в аптеке, а потом ее сократили, и она стала инструктором по пилатесу. Иванов купил ей диплом.

– А тебе нравятся мои ягодицы? Рельефные, правда? А я совсем ничего... Ну что пялишься? Иванов, ты бесстыжий! Пялится, блять, мне аж неудобно стало! Лучше скажи: что мне надеть в ресторан?

– Брючный костюм? На улице прохладно.

В ресторан Анжела отправилась в облегающем бежевом шерстяном свитере, который едва прикрывал попу, и в черных колготках.

Ресторан выбирала Анжела. На выборание ушло два месяца. Потом долго выбирала меню. Были приглашены успешные друзья Иванова с женами.

Заговорили о счастье.

– Человек счастлив, если живет в правде, – сказал Иванов.

– А что такое правда? У каждого своя правда. И где эта правда? – возразил ему Вадик, пришедший с толстой женой в зеленом атласном платье, которое подчеркивало все ее жировые складки. Чтобы быть стильной и красивой, жена выкрасила волосы в гудроновый цвет и нарастила коровьи гудроновые ресницы. Грудь у нее была своя, ненарощенная, пышная от природы.

«Отчего у женщин с пышной грудью как правило отсутствует задница и с возрастом фигура становится мужской?» – размышлял Иванов, грустно ковыряя вилкой в чизкейке.

– И почему, если фигура красивая, то рожа страшная и наоборот?»

Анжела была исключением, считал Иванов. У нее было точеное лицо, идеальная кожа и нефритовые глаза. Все свое свободное время Анжела посвящала уходу за собой – спорт-залам, спа-салонам, медитациям, йоге. Анжела всегда возила с собой столовые весы, на которых взвешивала порции своего правильного питания. Питались они с Ивановым раздельно.

А вот алкоголь Анжела любила.

– Я, в отличие от Иванова, никогда не пьянею. Я могу выпить литр водки и ясно соображать.

В ее словах была доля правды. Анжела за ночь выпивала четыре бутылки вина и выкуривала пачку сигарет. В шесть утра ей всегда хотелось секса:

– Милый, погладь мне попу, – томно говорила она.

Иванову страшно хотелось спать, но приходилось в сонном тумане удовлетворять свою любимую женщину.

– У кого больше прав, тот и прав. И зачем эта правда нужна? Иногда лучше не знать правду. – сказала Анжела и залпом выпила фужер вина. А мы собираемся покупать дом в Италии. Я посмотрела виллы в Римини – совсем недорого, если честно. Знаете, что я еще вам скажу? Вы не обижайтесь на меня, но я считаю, что главное – это здоровье и деньги. И я считаю, что все люди так считают. Свой дом в Италии, море, прекрасный климат, собака, открыть там спа-салон, пу-

тешествовать. Иванов! Когда ты меня свозишь на Гавайи? Я что, не достойна побывать на Гавайях? И когда ты мне пода-ришь перстень с бриллиантом?

– Не в деньгах счастье, Анжелочка, – робко возразил Ива-нов. – Ведь ты мне и сама говорила, что полюбила меня не за деньги, а что у меня душа прекрасная и со мной интересно.

– А я вот думаю, какую мне собаку завести? Я хочу чиху-ахуа. Они такие милые... – перебила Иванова Анжела.

– Бог даст все, что тебе нужно, – задумчиво произнес Ива-нов, – надо только следовать Его Заповедям.

– О-о-о-о, начинается! Вот только не надо Бога сюда за стол привлекать. Мы хорошо сидим. Не надо Бога. Давайте лучше выпьем. Я предлагаю тост: пусть сбудутся все мечты и цели, потому что мечты – материальны! Материальны! И нужно научиться правильно ставить цели!

– Ура-а-а-а! – жена Вадика радостно полезла чокаться и обниматься с именинницей. – Анжелка, пойдём покурим! Ну их к Богу!

– Твой Бог, Иванов, – так себе история!

В гостиницу вернулись во втором часу. У Иванова была напряженная рабочая неделя – шеф поставил условие Ива-нову работать по 12 часов, чтобы заслужить трехдневный от-пуск. Иванов рухнул в постель и провалился в сон. Проснул-ся в 11 утра. «Ого! Мы спим уже 10 часов почти», – подумал Иванов. Рука потянулась к аппетитной попе Анжелы.

– Иванов, отстань. Давай еще часик поспим.

Иванов грустно вздохнул и стал ждать часик, робко поглаживая попу Анжелы.

– Я сказала отстань! Иванов, имей совесть, дай хотя бы часик поспать!

У Анжелы был хриплый прокуренный голос.

«Странно. Вроде бы не слишком напились вчера», – подумал Иванов.

По прошествии часа Иванов овладел Анжелой сзади. Затем ему продолжить захотелось сверху. Иванову очень нравилось наблюдать красивое лицо Анжелы, но та упорно не хотела менять позу.

– Нет, я хочу на боку.

– А я хочу сверху!

Страсть удесятерила Иванову силы, он перевернул Анжелу, лег сверху, чтобы с нежностью любоваться ее красивым лицом. У Анжелы был большой синяк под левым глазом.

Иванов сел. Страсть улетучилась.

– Любимая, что это?

– Что-что? Синяк, бля, не видишь, что ли?

– Я вижу, что синяк, откуда он у тебя?

– Ночью ходила в туалет, нечаянно упала и ударилась лицом о дверную ручку. Кстати, я хочу в туалет.

Сверкая голой попой, Анжела шмыгнула в туалет. Затем Иванов услышал, что Анжела включила душ. Мылась Анжела долго. Иванов расстроился от синяка и решил выпить рюмку виски. Накануне он купил литровую бутылку «Джон-

ни Уокера». Бутылки не было на письменном столике, куда Иванов поставил ее вчера. Иванов посмотрел под столом, в шкафу, у кровати, в холодильнике. Бутылки не было.

Анжела наконец вышла из душа в махровом гостиничном халате, на голове был тюрбан из махрового полотенца, а сияк был заклеен силиконовой примочкой-патчем от мимических морщин.

– А где бутылка виски, Анжела?

– Я ее вчера выпила.

– Литр виски???

– Я не одна ее пила. Я познакомилась с девчонкой в баре.

– Так ты после того как мы пришли из ресторана, пошла в бар?

– А что мне оставалось делать? Ты спишь. Мне скучно. Нефиг было напиваться, Иванов?

– Я не был пьян. Я был уставший после напряженной рабочей недели. Я неделю работал по 12 часов.

– Иванов! Ты вчера напился. Ты вчера такую херню, извини меня, нес за столом! Мне временами было просто стыдно за тебя!

– Какую херню, ты о чем? – растерялся Иванов.

– Ты что, не помнишь уже что вчера пьяный говорил? Не помнишь?

– А что я говорил?

– Я тебе не скажу. Вспоминай. И пусть тебе будет стыдно. Иванов, я тебе честно говорю, у тебя проблемы с алкоголем.

Ты напиваешься, а потом ничего не помнишь!

– Но ведь я пью в три раза меньше, чем ты...

– Все дело в организме. Мой организм хорошо перерабатывает алкоголь. А твой уже не может. Я тебе честно говорю, Иванов, прекращай пить, иначе я уйду от тебя!

У Анжелы отклеилась силиконовая примочка-патч. Ее сияние начал терять коричневый цвет в пользу фиолетового.

РЕАЛИИ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Пошел набрать питьевой воды. Аппарат налива воды находится у входа в магазин. Подхожу к аппарату. Мальчик лет десяти набирает воду в пятилитровую бутлю и кричит:

– Папа, я уже набрал!

Папа стоит рядом со своей легковушкой и беседует с мамой.

«Надо же, как трогательно», – подумал я. Рука папы нежно покоилась на аппетитной попе мамы. Спортивный костюм очень ей шел. «Бывает же такое. Пацану лет 10, стало быть, они вместе как минимум лет 11, а вот – сохранили свежесть семейных отношений». Пацан потащил бутлю к папиной машине. Мама, хохотнув, сказала папе:

– Ладно, давай, пока. Созвонимся как-нибудь, – и упорхнула в магазин.

Папа помог сыну загрузить бутлю на заднее сидение, они сели в авто и уехали. «Наверно, домой, к маме», – подумал я.

ГНЕВ

ЛЮБОВЬ БЕЗ МАСОК

В самом живописном месте парка, там, где открывается панорамный вид на реку и на город, стильная девушка спорила с молодым человеком. Точнее – ругалась, поскольку из ее уст часто звучали слова «хуй» и «блядь». Из его тоже. Затем она вдруг достала телефон и начала делать селфи, вытягивая щеки и сообщая губам предпоцелуйное положение. Затем она приказала парню сфотографировать ее. Она улыбалась телефону так нежно, что выглянуло солнце. Когда фотосессия закончилась, перепалка возобновилась, а солнце поспешило за тучи.

ВЕЖЛИВОСТЬ

– Уважаемый Владимир Владимирович! Буду рад, если сможете уделить время и приехать в ресторан «У моря» завтра в 17.00. Собираемся отмечать мой день рождения там. Будут уважаемые люди и мои друзья, земляки. Я пришлю за вами машину в 16.40, если вы не возражаете.

– Сочту за честь!

– Я очень рад. Буду очень рад вас видеть.

Звонил Беслан. Я растерялся от его вежливости. Его вежливость обязывала. В присутствии Беслана у меня исчезали все намеки на расхлябанность. Я машинально втягивал живот и прекращал употреблять нецензурные слова. Еще я расправлял плечи и прекращал сутулиться. Потому что более уважительного и тактичного человека я в своей жизни не встречал. Более вежливого и более аккуратного. Как будто он сошел с рекламного постера, предлагающего дорогой одеколон или одежду фирмы «Гант». От рекламных моделей «Ганта» Беслана отличала густая борода и заряженный автомат Калашникова в джипе. Как истинному чеченцу Беслану нравилось носить бороду и автомат. «Он бы мог преподавать уроки вежливости и уважения к старшим, – часто думал я. – Что может быть убедительнее вежливости с автоматом?»

А мне нравятся чеченские традиции. И я часто ощущаю себя чеченцем. Только без бороды и, к сожалению, без автомата.

День рождения выдался теплым и солнечным. Наш длинный праздничный стол ломился от яств и напитков. Присутствовали бородатые и мускулистые друзья Беслана. Они были в дорогих рубашках поло и без автоматов. Первый тост выпало произносить мне как самому старшему. Я произнес. Аплодисменты, объятия и рукопожатия тронули меня до слез. Уважительное отношение к старшим в наши дни – редкость.

Чеченцы никогда не кричат за столом, никто не набра-

сывается на еду. Трапеза происходит чинно и благородно. С чувством собственного достоинства, которому когда-то с младых ногтей учили патрициев в Древнем Риме.

За соседним столиком русская компания вела себя шумно. Люди пили, жрали и культурно отдыхали. Было видно, что Беслан испытывает неловкость за бестактный шум наших соседей. Но именинник тактично не обращал на шум внимания.

Я не курю. Поэтому табачный дым меня раздражает. Когда ветер принес от соседей облако табачного дыма, я непроизвольно нечаянно поморщился. Наверно, чеченцы хорошие охотники. Потому что моя мимолетная гримаса не ускользнула от зорких очей Беслана. Он бесшумно встал, бесшумно по-кошачьи подкрался к соседям и бесшумно попросил их не курить.

– Извините, Владимир Владимирович. Больше табачный дым не будет вас беспокоить. Я попросил людей не курить.

К сожалению, люди безответственно отнеслись к вежливой просьбе Беслана и опять дружно задымили. И тут я увидел, как глаза Беслана покраснели. Не от дыма. Беслан взорвался.

– Все вон отсюда! Шайтаны! На хуй убирайтесь отсюда, черти, блядь, пока целые!

Перепуганные шайтаны поголовно протрезвели, загасили бычки и примирительно заблеяли:

– Мы только сели кушать. Мы оплатили стол. Мы больше

не будем...

– Они оплатили стол, – сказала официантка.

– А мне по хуй, что они оплатили, – сказал Беслан официантке.

– Убирайтесь на хуй отсюда, черти! – сказал Беслан оплатившим гостям.

Оплатившие покорно встали из-за стола и молча потянулись к выходу. Последний гость схватил котлету с тарелки и молча ее съел по пути из ресторана.

«Правильно сделали, что тихо ушли», – подумали я и официантка.

– Извините, пожалуйста, Владимир Владимирович, – сказал мне Беслан виноватым голосом.

– Ничего-ничего. Все нормально, – деревянным голосом сказал я.

Я вдруг понял, что нахожусь в состоянии страха, которое мешает аппетиту.

Наступила тишина. Такая тишина, очевидно, бывает после окончания бомбежки или артобстрела. Молчали все. Птички тоже почему-то прекратили чирикать.

Вот так Беслан прогнал чертей.

А ГДЕ МУЖ?

Резкий яркий свет режет глаза. Хочется пить и писать. Я разлипаю веки и приподнимаюсь на локтях.

– Деньги на такси есть?

– Есть!

– Заебись. Пиздуй домой. Секса не будет.

Это говорит Боря. А кому он это говорит? Это он говорит какой-то девице, которая включила яркий свет в комнате. Благодаря свету я вижу, что спал в ботинках, и начинаю в борьбе освобождать от них ноги. Сначала валится левый, а потом правый ботинок. Обессиленный я падаю на диван. На куртку не хватило сил. На сходить попить и пописать тоже.

Гаснет свет. Перед тем как провалиться в сон, я замечаю, что это была жена гитариста Ляпина – короля блюза и что она искала своего мужа у нас. Он был с нами в ресторане. Кстати, а куда он делся?

Боже, как прекрасна жизнь! Сон. Я сладко засыпаю в одежде на кожаном диване, укрывшись пледом.

Мне снится метель. Во сне я опять несу пьяного Борю на себе к нему домой. Все вокруг белым-бело и пустынно. Светят фонари, и я тащу по заснеженной улице Борю домой, как в сказке. Мы падаем. Потом барахтаемся, потом встаем и продолжаем движение. Теплые снежинки приятно налипают на лицо. Мы опять небожно падаем, барахтаемся и встаем, чтобы продолжить движение по улице.

– Под крылом самолета о чем-то поет, зеленое море тайги... – это мы поем. Поем и падаем. Нам весело. От ресторана до дома – один километр. Мы знаем, что дойдем.

Как дошли, я не помню. Под утро мне стало жарко, и я

снял куртку и шапку. Ужасно хотелось пить и писать. Поэтому я пошел на кухню и жадно пил воду из чайника, одновременно писая в кухонную раковину. Кажется, там были тарелки.

Я счастлив. Я ушел от жены. Ушел из дома с маленьким чемоданчиком. Я знаю, что не вернусь, хотя все вокруг (включая Борю) сомневаются. Я не сомневаюсь. Я тоже временами хочу вернуться, но знаю, что не вернусь. Потому что я счастлив спать на этом кожаном диване и не выслушивать попреков, упреков, руганей, обвинений. Мне больше не надо дарить роз, подарков и приносить деньги в семью. Вить гнездышко. У меня был дом. Натуральный большой двухэтажный дом в престижном районе. А теперь я живу на диване, который мне не принадлежит. И я счастлив.

ГОРДЫНЯ

УСПЕШНАЯ ПУСТОТА

Успешный топ-менеджер Антон жил в свое удовольствие. Он любил менять дорогие костюмы, рубашки, галстуки, ремни, часы, спортзалы, автомобили и девушек. С девушками он, как правило, знакомился по субботам в ночных клубах, иногда на презентациях и светских раутах. Знакомства были несерьезными, потому что Антон не стремился к серьезным знакомствам – главным для Антона были карьера и успех. Парень вел насыщенную жизнь. У него было примерно 100 шелковых галстуков. Каждый день был расписан буквально по минутам. Личные встречи, деловые встречи... Каждое воскресенье приходилось гладить пять или шесть рубашек. Антон ненавидел гладить рубашки. Шесть рубашек занимали полдня.

– Ненавижу рубашки, – бормотал Антон, когда их гладил.
– Это полдня жизни!

Футболки не требовали такого напряжения.

В телефоне Антона было свыше 20 подружек, он часто путал имена и лица, но ему было плевать. Жизнь была легка, а Антон порхал по ней, как бабочка.

Вокруг него порхали его такие же успешные друзья, кото-

рые, как и Антон, сильно не заморачивались по поводу разбитых сердец и завтрашнего дня. Главное – выполнять план продаж. Если ты выполнял план продаж – ты был в шоколаде, начальство хвалило, ты получал солидные премии к солидной зарплате, а значит – деньги можно было тратить с легкостью, чтобы жить полнокровной жизнью: потреблять впечатления, изысканную еду и красивых девушек. Правда, иногда по утрам у Антона шла кровь из носа от недосыпа, стресса и переизбытка кофе, но для меня это была приемлемая плата за увлекательную жизнь.

Однако лет через семь такой жизни Антон начал замечать, что его жизнь, которая была разноцветной каруселью, стала напоминать серое колесо. А Антон начал себе казаться белкой при нем. Калейдоскоп событий стал предсказуемым. Какое-то время Антону удавалось бороться с днем сурка при помощи алкоголя. Алкоголь, в отличие от пистолета, безнаказанно вышибает мозги. Но алкоголь также безжалостно учит одному из главных законов жизни о том, что за все нужно платить. И алкоголь заставлял Антона платить по утрам жестоким похмельем и депрессией.

Иногда успешный топ-менеджер смотрел в окно, как по улице прохаживались счастливые парочки с колясками, и начинал осознавать, что созрел до серьезных отношений, от которых столько раз отрешивался во время победоносных романов. «Говно вопрос, – подумал он. – Значит, пора искать подружку для серьезных отношений».

Однажды в субботу Антон напоялся, облачился в модный наряд и рванул в крутой ночной клуб. Прямо на входе в клуб стояла его старая знакомая. Кажется, Ленка, а может, Светка. Какая разница? Светка-Ленка сразу же полезла обниматься:

– Приве-е-ет, солнце, куда пропал, сто лет тебя тут не видела. Мы уже с подружками начали переживать за тебя. Заболел наш Антоша или, ужас, стал импотентом, не дай бог. Или женился... Уж не знали, какая беда с тобой приключилась!

– Привет, солнце, – Антон оглядел поляну. – Очень рад тебя видеть, зая. А где все?

Принятый виски создавал нужное настроение – радостное, приподнятое и решительное вместе с ощущением трезвости.

Привычный полумрак и грохот клубной музыки. Воняет табачным дымом, потом, духами, перегаром. Полумрак. Толчея. Счастливые пьяные лица. Аппетитные попы на кабаках. Стриптизерши на подиуме. Люди зажигают и отрываются.

– Девушка, можно вас угостить коньяком?

– Я с незнакомыми мужчинами не знакожусь, – говорит она, глядя куда-то поверх меня за горизонты будущего.

Антон запомнил столб, у которого он встретил прекрасную незнакомку, и возвратился с мохито.

– Антон.

– Оксана, – принимая бокал.

– Чего?

– Оксана! – кричит Оксана в ухо.

От нее пахнет потом и духами. Голос не прокуренный. Духи тоже приятные. И не убойной силы. «А вдруг она – потенциальная жена? – мелькнуло в голове Антона. – А чем черт не шутит? Надо будет ее напоить». От мохито – к виски с колой, а потом на «Кровавую Мери». А потом переходим к стойке, чтобы не бегать туда-сюда.

– Я хочу танцевать.

– Чего?

– Я пойду потанцую! – кричит она ухо. – А ты поддержи мою сумочку.

«Сумочка – это хороший знак, – понимает Антон. – Это значит, что, скорее всего, мы потом поедem ко мне домой». Она танцует и счастливо улыбается ему, а он счастливо улыбается ей. «Надо будет подарить ей розу, – подумал Антон, – но под закрытие. Перед уходом. Чтобы не сидеть у стойки бара с ее сумочкой и с ее розой». От этих мыслей Антону стало как-то грустно. Такое у меня уже было. Стремительная любовь с розами. Антон оглядел танцпол и убедился, что Оксана больше всего соответствует идеалу жены в этом клубе. У нее наименее блядский вид.

Клуб начинает потихоньку опустевать. Значит, утро. Такси.

– А куда мы едем?

– Ко мне домой.

– А что мы там будем делать? – капризным голосом спрашивает она, и он удивляется. После трех медленных танцев с поцелуями взасос и жаркими обниманиями за попу это странный вопрос. Что мы будем делать?

– Попьем кофе, и ты поедешь домой, – говорит Антон. Это теперь называется «попьем кофе», и добавляет: – У меня огромная стопка журналов мод.

– Да? – оживляется она. – А журнал «Эль» есть? Обожаю его читать. Там такие глубокие статьи по психологии...

– Конечно, есть. Вместе читаем. Глубокие статьи. Ты любишь психологию?

– Ну да. По-моему, психология – это прикольно.

– А кем ты работаешь?

– Медсестрой. Я еще учусь в медицинском колледже.

– А где медсестрой?

– В психушке. Там платят в два раза больше.

Едем в лифте. Там, как всегда, полумрак, потому что плафон кто-то заботливо опалил зажигалкой, и он покрыт сажей. Лифт натужно скрепит, как будто хочет оборваться.

– Я без презерватива не буду, – решительно говорит она, и Антону становится грустно. Ему кажется, что такое заявление как-то не стыкуется с идеалом жены.

Она забраковала все его диски. Пришлось слушать радио «Шансон». Потом она нашла радио с клубной музыкой и танцевала часа два. При этом она сексуально улыбалась. «Ко-

гда же ты захочешь спать?» – тоскливо думал сонный Антон. Ничего. В следующие выходные повезет.

Ему не повезло в следующие выходные. После месяца невезения Антон посетил своего старого друга Серегу Капустина. Излить душу. Серега специально приготовил плов и был навеселе. Он всегда выпивал несколько рюмок водки, когда готовил. Для вдохновения. А плов – это длинное блюдо. Поэтому у Сереги к приходу уже заплетался язык:

– Представляешь, Антоха, друзья познаются в еде! – сообщил Серега с порога. – Я приготовил тебе много узбекского плова.

– Серега, у меня нет аппетита, у меня драма. Хочу поделиться с тобой своей душевной драмой. Понимаешь, хочу влюбиться в нормальную девку. Чтобы с мозгами, не неряха, не блядь, не стерва и любила меня.

– Милый! – восклицает Серега. – А где ты таких в наше современное время найдешь? У меня тост! Надо выпить за машину времени! И за тургеневских девушек!

Серега закусывает.

– Зря ты не ешь огурчики. Огурчики – песня! Песня, Антоха. А тебе надо ехать в Сибирь или еще куда-нибудь в глубинку. Там еще, может, найдешь себе Наташу Ростову. Только не едь в Псковскую область. Там один бляди. Стоят, голодают и предлагают себя за копейки. Антоха! За копейки! И такие пупсики ангельские! О! Плов готов! Наваливай плов! Кому я готовил? Прошмандовкам, что ли? Я готовил другу,

так что жри!

– Так что же мне делать? – не унимаюсь я.

– Наливай да пей, что делать! Понимаешь, ты не там ищешь. И вообще, в Библии написано: настоящая жена – от Бога. Экклезиаста читал?

– Нет.

– Ну и дурак! Нехуево пишет. Кстати, у меня есть Библия. На, почитай. Но сперва съешь плов. Для кого я старался?

Плов преодолен. Серега заставил Антона выпить три рюмки водки. Полные.

– Вот, читай Экклезиаста – это самое интересное и глубокое место в Библии.

Серега торжественно протягивает Антону Библию.

– А где ты купил такие прикольные трусы с драконами? – спрашивает Антон.

– В Майами. Я давно искал красные семейники – как у волка из «Ну, погоди!», – гордо сообщает Серега.

Я чувствую, что он польщен. На Сереге также тельняшка – Серега очень гордится тем, что служил в ВДВ.

Антон добросовестно открыл Экклезиаста. Становится как-то грустно. «Суета сует... Кто умножает познания – умножает скорбь... Кривое – не может сделаться прямым... Во многих мудрости – много печали... Что было – то и будет... Кто любит серебро – тот не насытится серебром... Видал я рабов на конях, а князей, ходящих, подобно рабам, пешком... И все – суета сует... А женщина – сеть, и если ты

добрый и мудрый, то тогда спасешься...»

– Серега, там написано: «Мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей. Сердце мудрого – на правую сторону... Будь готов к слушанию...» Я готов к слушанию. И что толку? Ответов нет. Жопа какая-то. Стараюсь, стараюсь... А все – суета какая-то. Суета сует. Умножаю познания, а душа – не насыщается... И что такое мудрость? А? Как ее откопать? И где? Я понимаю, там написано: мудрость – это знать время и место для каждой вещи. А как узнать, что наступило время собирать эти гребаные камни? А? Как этого добиться? У меня уже целый сад этих камней накопился. Куда уже их девать? За пазуху?

Серега внимательно смотрит на товарища мутными глазами, слушает и после длительной паузы задумчиво говорит:

– Да-а, Антошка... И я вот думаю... И я вот сижу и думаю, сижу и думаю: мыться мне или не мыться? Завтра горячую воду отключат. Объявление на двери читал? Вот то-то... Время мыться – время не мыться. А я сижу и чувствую, что время мыться... Потому что я мудрый и не грузусь. Потому что жизнь научила меня читать объявления на дверях.

Приятели рассеянно смотрят телевизор. Идет передача про обезьян. Через полчаса Антон не выдерживает:

– Давай переключим!

– Не надо, все остальное еще хуже, – говорит Серега. Он вдруг опечалился: – Жизнь – сложная штука, а эти бабы еще сложнее, Антоха, – вздыхает он, наливая стопку до краев. –

Помнишь эту мою подружку Олю?

– Ту, которая рыжая?

– Нет, ту, которая мне раковину заблевала зачем-то. Блондинку с длинными ногами. Она тебе еще понравилась. Мол, «аккуратная и с чувством юмора». Она говорит: «Ищу серьезных отношений». Ладно, думаю. Ты знаешь, Антоха, у меня трехкомнатная квартира. Я ей говорю: «Так давай, я готов». Она: «Нет, я как-то не могу так сразу». Так пошла ты на хуй тогда! Не готова она! У меня – трехкомнатная квартира, «Ландкрузер», а она не готова!

По телевизору обезьяны дерутся с другими обезьянами из-за территории. Серега очень грустит:

– И чего людям не хватает?

Он решительно выпивает и говорит:

– Скорее бы футбольный сезон начинался. Хоть по телику будет что смотреть.

ЖАДНОСТЬ

100 ДОЛЛАРОВ

Позвонил друг Юра:

– Так, это... Я тут плова наварил... Целую бадью... Столько не сожру... Нечаянно получилось... Приходи, выпьем.

Я с удовольствием принял предложение. Юра рассказал мне историю под водку и плов:

– Короче. Нечаянно набухался вчера с девкой. Напомнила она мне рыжую Ирку. Вот была оторва! Где мы только с ней ни это самое... В парке, в подъезде, в офисе, в клубе в туалете, в музее... И красивая баба была, между прочим. Честное слово! Ноги, грудь – все дела. Жопа такая упругая. И лицо красивое. Такая веселая, позитивная. Чулки любила носить. И посуду всегда за собой мыла. Редкое качество, между прочим.

Мой друг Боря, помню, на нее глаз положил. А Боря – он хороший. Умный – дальше некуда. Но стеснительный. Особенно если баба ему понравилась, все: Боря – язык в задницу. Краснеет, потеет и молчит. Я ему говорю: «Боря, да расслабься ты, это всего лишь бабы, хули тут стесняться». А он такой стеснительный – ну не может себя перебороть, и все. Ну не может. Бывают такие люди. Короче, я говорю Ирке: «У

Бори завтра день рождения, и я хочу сделать ему подарок. Отсоси у него, пожалуйста».

Ну, она сначала, как положено, начала ломаться, мол, я только тебя люблю и прочая фигня. Я ей говорю: «Плачу 100 долларов!» Ну, она: «Тогда ладно, Боря – он такой хороший и твой друг». Говорю: «По рукам, договорились!»

На следующий день взяли бухла, цветов, поехали к Боре. А у него там мама, папа, сестры с детьми, родня, короче – скука смертная. Празднуем день рождения. А Ирка работала в службе 001, служба спасения автомобилей, эвакуация и так далее. Ей на работу заступать надо в 9 вечера, иначе уволят. Я к Боре: «Ты чего резину тянешь? Вот ключи от моей квартиры, бери шампусик, хватай ее за гриву и дуй скорей ко мне на хату, она готова на все, это подарок мой тебе на день варенья». Он не верит, я ему говорю: «Ты че тормозишь, дурак, ей в 9 вечера на работу». Бывают такие мужчины. Короче, пинками выгнал этого сраного Ромео из-за стола. Мы все втроем встаем, она ж моя девушка! Родня в шоке: «Вы куда?» «Нам пора, на работу завтра рано, а Боря нас проводит, а заодно прогуляется». Дети в крик: «Мы тоже хотим на улицу с вами!» Мама его говорит: «Боря, возьми детей». Я думаю: «Щас!»

Поехали они с Иркой ко мне на хату. На следующий день спрашиваю у нее, как все прошло. Она говорит: «Да ботаник он какой-то, приехали, короче, выпили шампанского, я к нему, такая, на колени села, а он мне давай про поэзию за-

гонять, а времени вообще бля нет. Короче, он мне стихи рассказывает, а я думаю: блин, через полчаса на работу ехать надо. И чулок поехал. Думаю, новые колготки! Опять на деньги попандос. Короче, расстроилась – новые итальянские колготки, только купила, ну ты представляешь, новые. Расстегнула ему ширинку, а у него – ну даже вообще. Я ему говорю: «Расслабься, дорогой, все хорошо, и время – деньги». А он все равно волнуется, а я на работу спешу. Блин, извини, дорогой, но я не могу опаздывать на работу, меня за это уволить могут, мы так не договаривались. Короче, он так и не кончил, а я еле успела на работу. Еще пробки какие-то – как всегда, извелась вся в такси, но, слава богу, успела».

Назавтра Боря – расстроенный и злой. Она тоже злая: «Кого ты мне подсунул!» Кругом я виноват. Короче, так я ей и не заплатил. Не потому, что жалко денег было, – просто замотался и как-то слегка на подсосе был. Короче, забыл заплатить, ну с кем не бывает.

И как-то так потом у меня какие-то другие телки появились, а у нее тоже другие мужики, и наши пути разошлись. Встречаю ее года через три возле стадиона «Динамо». Идет такая счастливая, в белом платье в горошек. Я ей говорю: «Может заскочим ко мне на минутку?» А она мне: «Нет, все, дорогой, секса не будет». А я ей: «Что, месячные?» Она: «Нет, я замуж вышла. Очень люблю своего мужа, он у меня такой-сякой, сам готовит, цветы дарит, на руках носит». Я ей: «Ну, я рад за тебя, пойдем хоть кофе попьем». Пошли в

кофейню, посидели, поболтали. А она действительно такая правильная стала: «Как тебе не стыдно матом», «А я бросаю курить, мы думаем о ребенке», «Фу, какой ты пошлый». Короче, мило мы с ней поболтали часок. Она, конечно, молодец, выглядит классно и в чулках. Я ей при расставании разные комплименты говорю, мол, выглядишь классно, и в моих любимых чулочках, рад за тебя, я бы тебе прямо здесь впер, а она хохочет: «Фу, какой ты пошлый! Забудь, я уже замужняя женщина... Все, – говорит, – пока! Мне бежать к мужу надо!» А потом: «Кстати! Ты мне еще 100 долларов должен!»

А УГОЛЬ ПОДОРОЖАЛ...

Приехал в родную деревню. Вечером посиделки с родней, как полагается. Оказался за столом рядом со своей троюродной прабабушкой.

– Деточка, обычно две машины угля купляю на зиму, а селита решила купить одну.

– Почему, бабуля?

– А на што мне лишние гроши тратить? Я ж чувствую, что помру зимой. Не надо мне столько угля! На што мне лишний?

Встречаю бабулю через год:

– Деточка, Бог за жадность наказывает. И меня наказал!

– Как так?

– Я не померла, деточка. И уголь подорожал. Аж в два раза.

СЛУГА НАРОДА

Разговорились с соседом о самогонке.

– Самую лучшую самогонку гонят в Витебской области, – сообщил он, – Она, во-первых, мягко заходит, потом – согревает, а наутро – голова свежая. Меня регулярно друг детства Валик Куликовский (имя и фамилия изменены) угощает.

– Да, если наутро голова ясная, это значит хорошая самогонка, – согласился я. – Первый подозрительный признак – это резкость.

– А у Валика – всегда мягкая.

Сосед помолчал и добавил:

– Валик, он же депутат парламента был в Минске. Двух созывов. За первый созыв он две квартиры купил – рядом на одной площадке, как у нас с тобой, двухкомнатную и трехкомнатную – ну, целую секцию выкупил. А жил он тогда в государственной, трехкомнатной, где-то возле Российского посольства. Ему, как депутату, полагалось. Хотел и эту депутатскую, государственную квартиру приватизировать, но президент не дал. Говорит: «Тогда отдавай коттедж». А у Валика в Витебской области коттедж шикарный, с подвалом, с камином, со всеми удобствами – прямо в лесу, чисто под охоту, он охотиться любит, Валик, у него ружья там всякие.

И немецкие, и наши. Баня большая возле озера. Ага... Вот там, в тех местах, где коттедж у Валика, и делают эту мягкую самогонку. Кто – Валик не распространяется, да я и не спрашивал. Но он меня регулярно угощает. А может, и сам гонит. Он же уже не депутат уже, на пенсии... А ту государственную трехкомнатную Валик во время второго своего созыва приватизировал все-таки. Как он там умудрился, я не знаю. Но приватизировал и коттедж сохранил при этом!

ЧРЕВОУГОДИЕ

ПАРК КРЮГЕРА

Насмотрелся передач про диких животных в парке Крюгера. Там хищники постоянно жрут нехищников. Старых, больных, слабых, зазевавшихся, глупых...

Иду по улице, а мне навстречу дебелия парочка с лишним весом. Машинально думаю: «Были бы они животными в Африке, их бы уже давно сожрали хищники».

А потом думаю: «Надо постоянно держать себя в форме. А то сожрут».

ЗАВИСТЬ

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Посвящается О.О.

Саша пошел за пивом в супермаркет и на кассе встретил Ингу, статную красавицу, с которой пару лет назад расстался по причине ее неумной любви к сексу и к деньгам. Инга считала себя успешной женщиной, которая должна первой бросать любовников, а не они ее. Она стояла в короткой юбке в густом облаке французских духов и по привычке стреляла глазами по периметру помещения. Увидев Сашу, она хищно улыбнулась. На зубах у нее была вишневая губная помада.

– Привет. А я замуж вышла.

– Поздравляю.

– Вот уже год. Мы строим дом. А ты как?

– А я по-старому.

– По-прежнему торгуешь гитарами?

– Ага.

– Дурак ты, Сашка. Непутевый. Такой парень... Неглупый, стройный, симпатичный. А живешь, как нищоброд.

– Ну да. Не везет мне в жизни. Никто меня не любит.

– Ладно, разрешаю тебе подвезти меня до дому.

Инга жила в центре города в сталинском доме. Квартиру

ей подарил высокопоставленный папа. Саша затормозил под аркой дома.

– Ну что, давай прощаться?

Инга явно не хотела выходить из машины, и Саша это почувствовал:

– Давай покурим на прощанье.

– Ну давай.

– Блядь, я сигареты забыл купить.

– У меня есть. Угощу нищегорода.

Когда Инга полезла в сумочку за сигаретами, Саша крепко обнял ее и поцеловал в щеку. Инга жарко ответила. Потом Саша расстегнул ширинку, и Инга жадно заглотила его член. Когда Саша кончил, Инга смачно сплюнула сперму на асфальт, открыв дверь машины.

– У тебя жвачка есть?

– Есть.

– Дай две. Мне надо идти.

– Иди. Я буду скучать.

Инга выпорхнула из машины и, цокая шпильками, направилась к подъезду. У нее были очень стройные ноги. Когда она вставляла ключ в дверной замок, муж открыл дверь.

– Любимая, ну где ты ходишь? Я весь извелся. 11 часов уже.

– Кузнецов, ты что, меня ревнуешь?

– Да нет, не ревную. Я тебе верю.

– А по-моему, ты меня ревнуешь! А Кузнецов меня рев-

нует! Ревнует, ревнует, ревнует! Ревнушка ты моя. Дай я тебя поцелую. – Инга посмотрела в глаза растаявшему супругу и сказала: – Кузнецов! Знаешь, чем я отличаюсь от твоих предыдущих баб?

– Чем, любимая?

– Тем, что я тебя никогда не предаю.

– Я люблю тебя.

– Это понятно. Ой, зая, я такая растяпа. Сигареты забыла купить. Сбегай, пожалуйста, за сигаретами. Круглосуточный магазин на соседней улице, знаешь где? Сейчас я тебе координаты пришлю как идти. Давай, зая, одна нога тут, другая там. Придешь, винчика откроем при свечах.

– Я тебя люблю.

– Давай, приходи быстрее.

Когда муж ушел, Инга набрала телефон Саши.

– Привет, хочешь приду к тебе завтра в гости? Отлично. Только я приду днем, ты понимаешь, я теперь не свободна. В три часа, нормально? Договорились!

Инга улыбнулась. На ее зубах по-прежнему оставалась кровавая помада.

БЕЛОРУССКИЙ ЦИКЛ

БАБУШКА ФЕНЯ

Бабушка Феня жила на краю деревни. Ее хата с трудом пробивалась соломенной крышей сквозь буйные красные георгины и кусты шиповника. К ней ходила вся деревня. Баба Феня была знахарка. Она знала секреты целебных снадобий и заговоров. Тихая, аккуратная старушка с молодым лицом и ослепительно седыми волосами. Коля любил заглядывать к ней.

– Бабушка, нешта у меня голова болить.

– Хади сюды, деточка.

Баба Феня усаживала Колю на стул, прикасалась мягкими руками к его кудрявой голове, что-то шептала, и боль уходила, наваливалась приятная липкая сонливость.

– Бабушка, можно я у вас трошку полежу?

– Няго не, полежи, деточка.

Коля смотрел на красный огонек лампадки, на строгого святого, который с укором глядел на Колю с иконы, на толстые старинные книги в деревянных переплетах и мечтал стать сказочным богатырем.

– Бабушка, когда я вырасту, я стану богатырем.

– Спи, деточка, ты станешь агрономом. И богатырем вы-

растешь. Много земли у тебя будет. На юге будешь жить, в степи.

– Что такое степь?

– Это такое поле большое.

– Больше нашего поля за Безводичами?

– Больше. Гораздо больше. В сто раз больше.

– Откуда ты знаешь?

– Боженька знание дает. Тебя Боженька любит. Через горе пройдешь. Но все хорошо будет с тобой, Колечка. Женишься, деток нарожаете, мальчика и девочку. Жена у тебя хорошая будет. Верная и ласковая. Я вижу ее. Она не отсюда. В сельхозакадемии познакомитесь.

Белая кошка Мурза сидела на стуле рядом с бабушкой, слушала бабушку и внимательно смотрела на Колю. Один глаз у кошки был зеленый, а другой карий.

– Мурзочка все понимает, это ее стул. Она и завтракает, и обедает, и ужинает вместе со мной. Я ей молочка наливаю в мисочку и ставлю на стол и себе наливаю. Она сидит на своем стуле и пьет молоко из ее мисочки со стола. Вместе молочко пьем за столом. Во какая умная кошка! Умнее некоторых людей.

Из армии Коля вернулся былинным богатырем-красавцем ростом метр девяносто. Его боялись все местные хулиганы.

– За морду возьму, и у тебя кожа на жопе треснет, – говорил Коля хулиганам, и те ему верили. Коля гнул подковы на спор.

В сельхозакадемии Коля познакомился с Ниной. Она тоже была деревенская, из соседней области. Через два месяца после знакомства они поженились. А через год у них родился мальчик Коля, Нина настояла на этом имени. А потом родилась Нина. Имя дочке дал Коля. Нина родилась уже в Ростовской области, куда Колю отправили по распределению. Лет через десять Коля решил стать фермером. Еще через десять лет Коля купил восемьдесят гектаров земли.

Двадцать лет Коля не был на родине. Его мать умерла от астмы еще когда он учился на первом курсе сельхозакадемии. А через три месяца от горя и водки умер отец. На похоронах отца Коля стоял с серым лицом и с белыми висками и пытался заплакать. Коля плохо соображал, в ушах свистело, в горле стоял огромный ком, а слезы не шли. «Наверно, в аду так», – думал Коля. Братьев и сестер у него не было.

Колю всегда тянуло на родину в Безводичи. Ему часто снились родниковая речушка с кувшинками, где вода всегда была ледяной, сырой еловый лес, куда он ходил за грибами, разноцветные коровы на пастбище, которых он подростком помогал пасти, а еще Коля очень хотел увидеть бабушку Феню. Он всегда чувствовал, что она охраняет, оберегает его. Коля приехал к ней на 90-летие.

Бабушка Феня сразу его узнала.

– Деточка мой, я знала, что ты ко мне приедешь. Какой ты богатырь стал! Ходи сюды, дай тебя обниму.

От бабушки веяло деревней – сеном, парным молоком и

торфом.

– Знала, что пока не увижу тебя, не помру. А Мурзочка моя померла. Нема моей Мурзочки, так скучаю по ней, как по человеку. Теперь и поговорить мне не с кем.

– Бабушка Феня, ну как я мог к вам не приехать! И еще приеду. Живите до 100 лет, бабушка.

– Помру я скоро, Коленька. И Безводичей скоро не будет. Умрет деревня. Будет один пустырь.

– Почему?

– Председатель колхоза большой грех сделал, старое Безводичское кладбище разбурил, разровнял, деревья посрубил и бураки там посеял. Нашто председатель старое кладбище перепахал? Ничего путного там не вырастет. Не будет больше Безводич. Поле из кладбища сделал, ничего там не вырастет, а деревню убил. Это зло большое. Наши безводичские предки этого не простят. Я умру, и деревня умрет. Пустырь будет.

Через двадцать лет Коля опять приехал в родную деревню. Воздух пах осенней сыростью. Наполовину облетевшие березки легко шелестели своими желтыми платьями. Хмурые ели в зеленых мундирах подступили плотным строем к самой речке и мрачно молчали на всю округу. Беззвучные косяки черных птиц в белесом небе улетали на юг. Деревни не было. Ни одной хаты. Молоденькие березки и осинки росли прямо на главной улице. Тишина была нестерпимой.

О хате бабушки Фени напоминали только разросшиеся

кусты одичавшего шиповника. Вокруг шиповника летала желтая бабочка. «Откуда она взялась в конце октября?» – подумал Коля. Красных георгинов не было. Коля заплакал.

ШУРКА

Приехал на Радуницу к бабушке. Она теперь на кладбище. Как и многие мои родные и близкие. Например, дед Шурка. Его сиротливая могилка начала зарастать травой. Надо было прибраться. Шуркины дочери в свое время уехали в Украину. Из-за войны они не могут приехать на могилу отца. Наверно, ветеран Великой Отечественной, храбрый солдат Шурка вращается в своем дорогом гробу. Пока я убирал могилку, Шурка внимательно наблюдал за мной со своей фотографии. У него были синие глаза.

– Дедушка, за что ты орден Славы получил?

– За освобождение Могилева. А на самом деле, не знаю. Один с расчета живой остался. Меня только призвали в армию, учебка – и в артиллерию. Комбат, помню, у нас был красавец, капитан, косая сажень в плечах, холодной водой по утрам обливался. И в первый день наступления мы по немцам, а они по нам. Все только кричат: «Шурка, снаряды давай!» И комбат кричит. А я перепуганный снаряды бегом подношу. И тут бац – разрыв, я со снарядом бегу, а тут товарищу комбату осколком голову отсекло и мне под ноги. Я снаряд бросил, схватил голову товарища капитана и к его товарищу бегу на место приставлять. А расчет кричит: «Шурка, еп твою мать, брось голову, неси снаряд!» Как это голову командира бросить? И положить некуда, кругом грязь...

А они кричат: «Шурка, еп твою мары, давай быстреей снаряд неси, капитану пиздец». Грохот кругом. Пришлось положить голову рядом с товарищем капитаном. Ага.

Четыре дня наступали до Могилева. Дошли до окраин города. Жрать охота – сил нет. Пока четыре дня наступали, нас никто не кормил. Лантушша подвело так что, не дай Божа. Хлопцы говорят: «Шурка, там находится немецкий продовольственный склад, беги скорей туда, пехота оттуда тушенки раздобыла». Отправили меня за тушенкой. Ага. Я Могилев троху знал, дошел до склада. И только я до него дошел, как начали немцы из пулемета с водонапорной башни поливать. Головы не поднять. Чуть пошевелился – ен – «тра-та-та». Лежу голодный. А склад – вон он рядом – 50 метров. И рядом немец мертвый лежит. Лежим вместе. Делать нечего, я смотрю, у немца фляжка. Взял его фляжку, что там? Понюхал – гарелкой пахнет. А нас политрук предупреждал – немецкую гарелку не пить – она вся отравленная. Специально отравы добавляют, каб нас травить.

Ладно, лежу час, второй, а пулемет все стреляет, и пули рядом – цок, цок по кирпиччу. Думаю, один хуй убьют, дай хоть отравленной гарелки выпью перед смертью. Выпил я всю фляжку у немца. А потом думаю: «А вдруг эта немецкая гарелка отравленная, и я все равно памру?» Плюнул я на пулемет, хай стреляе. Пополз на склад, выбрал там самый большой и тяжелый ящик и пайшоу в батарею. Хай пулемет стреляет, мать яго пройбу. Ну упал там несколько разо – га-

релка на голодный желудок и кирпичча кругом. Но до батареи дошел. «Хлопцы», – говорю, – «я вам тушенки принес». Упал и уснул. Проснулся, а хлопцы на мяне матом: «Шурка, ты чаго принес?» – «Чаго?» – «Варенья вишневого в стеклянных банках! А банки побил почти все. Пришлось со стеклом есть. Жрать-то хочется!»

Вот за это, деточка, меня и наградили орденом Славы третьей степени.

ПЕТЯ-НЕМЕЦ

Будучи подростком, я любил на каникулах помогать бабушкиным односельчанам пасти коров. Вся деревня по очереди пасла коров – хата за хатой. Однажды я пас коров вместе с Петей-Немцем. «Немец» было Петино деревенское прозвище.

Немец, небритый худощавый мужичонка лет сорока, пас коров в старом свадебном костюме, засаленный пиджак был надет поверх серой майки, брюки заправлены в кирзовые сапоги. Петя постоянно курил газетные самокрутки из махорки. Однако вонючий дым махорки все равно не мог перебить Петиного перегара. Все коровы слушались Петю-Немца. Применять хлыст ему не было необходимости. Один Петин окрик: «Куда пошла, блядь!» повергал буренку в послушный ужас, и она быстро возвращалась в стадо.

Вечером я спросил бабушку, почему Петю все зовут Немцем.

– Яго матка с немцем в войну нагуляла. Боялась, каб ен по-немецки не заговорил. Абашлося.

ДОНЕЦКИЕ РОДСТВЕННИКИ

Так случилось, что моя крестная, тетя Аня, приютила в своей хате очень дальних родственников, приехавших в Беларусь не из-за ностальгии по исторической родине, а по более уважительной причине: их дом разбомбили. Вот они и приехали в деревеньку на востоке Беларуси в конце августа. Тут когда-то жили их родители. Теперь осталась лишь тетя Аня.

Тетя Аня готовила ужин вместе со своей племянницей из Донецка Светой, а Николай, ее муж, и двое их взрослых сыновей сидели на веранде, курили и беседовали со мной под монотонный шелест дождя. Николай всю свою жизнь проработал на шахте. Заработал на хорошую трехкомнатную квартиру в Донецке.

– Я не за белых и не за красных. Мы просто хотим, чтоб нас оставили в покое. Чтоб мы жили сами по себе, спокойно работали – и все. Пусть они у себя в Киеве устраивают свои эти майданы-хуяны вместе со своими нациками и «Правым сектором», пусть делают что хотят. А мы чтобы сами по себе.

– Что значит «сами по себе»?

– Донецкой республикой. На хуя нам кормить этих нациков? Чего они к нам приперлись? Мы к ним не лезем. Мы ж не лезем в Киев или во Львов и не указываем им, как им жить. Пусть оставят нас в покое. Так нет же. Шлют этих юн-

цов на убой. А что он сможет, восемнадцатилетний пацан, против матерых взрослых мужиков? Это ж пушечное мясо, их Порошенко и этот очкастый кролик (Яценюк) на убой бросают. У нас хоть в армию отбор, там смотрят, можно тебе автомат в руки дать или нет. И сразу в бой не бросают, а сначала человек проходит подготовку в специальном лагере два месяца.

– Где?

– Не знаю точно. Говорят, под Ростовом.

– А кто воюет за ДНР?

– Сейчас уже 50 на 50. 50 процентов местные – шахтеры, ну и Россия помогает.

– А много людей за ДНР?

– Да все шахтеры. Все поголовно. 80 процентов населения Донбасса – за ДНР. И я пошел голосовать за ДНР. И никто меня насильно не заставлял. Мы хотели спокойно жить на своей земле. Это наша земля. И нам надоело кормить Киев. А этот клоун Тарута где? Губернатор хуев – в Киев давно съебал. Траншей понарыл, оборону устраивал. Кучу денег истратил на траншеи и съебал. Защитник. Вместе с Ахметовым теперь сидят там в Киеве, миллионы свои защищают...

Сергей замолчал, выстраивая домик из пачек сигарет.

– Как мне теперь пенсию оформить? Звонил на шахту, там никто трубку не берет...

Тобик, рыжий блохатый песик, посмотрел умными глазами на Николая и сочувственно завилял хвостом.

– А ну пайшоу двору! – грозно прикрикнула тетя Аня.

Тобик жалостливо посмотрел на хозяйку и еще сильнее завилял хвостом.

– Хатели яго у лясу оставить селита.

– Зачем?

– А ен старый ужо, скоро памреть. Сенька паехау у Мстислау, кинув яго каля дароги, а тады на другой день возвраща-
уся дамоу, а я ен там стаить бедный пад дажжом. Во який са-
бака верный... А ну пайшоу у сенцы! Каб табе пярун забиу!

Тобик послушно вышел.

– Еле выбрались из Донецка, – продолжал Николай. – Нац-
гвардия на блокпосту еще пропустила, а потом как нарва-
лись на проверку у этих наемников Коломойского, у банде-
ровцев этих, которые вместе с «Правым сектором», так они
тут же мордой в асфальт, автомат наставил и давай оскорб-
лять матами: «Признавайся, шахтеры?». У них если шахтер
– значит сразу враг, за ДНР и в ополчении служил. Потом
на допрос потащили: «Кто в ополчении? Сдай своих знако-
мых, кто в ополчении». Серега одного назвал (уже погибше-
го одного шахтера) через два часа допроса с угрозами, его
отпустили. А я, хули, старый уже – 50 лет, говорю: «Я сто-
рожем работал, никого не знаю, я сторож». Руки посмотре-
ли – пиздишь, говорят. А я на своем стою, говорю, сторож я
– и все тут, ничего не знаю. Через час допросов отпустили.
«Смотри, – говорят, – не дай бог узнаем, что врешь, пизда
тебе, понял?»

Николай выходит на улицу под навес и жадно курит. На улице свинцовые облака – под цвет щетины на морщинистом лице Николая, льет дождь и дует холодный ветер. Лето закончилось. На худом теле Николая – старая военная рубашка, которая велика на два размера, и брюки с пятнами от солидола, которые уже никогда не отстирать. Деревенская гуманитарная помощь. Кажется, эта одежда раньше принадлежала пугалу на огороде, а до пугала – покойному супругу тети Ани, который работал комбайнером и трактористом в колхозе. Николай жадно затягивается и дрожит от холода. Он перехватывает мой взгляд и улыбается:

– У нас там жара была, я в тапочках, трико и в майке одной приехал – и все. Из всего нашего девятиэтажного дома там человек пять всего осталось! Представляешь, пять человек из 136 квартир! А что нам оставалось делать – ни воды, ни света. И только ночью градами туда-сюда. Наши нациков долбят, а нацики наших. В подстанцию попали, и свету хана.

– А кто попал?

– А кто его знает. Наверно, нечаянно. Вон к знакомой в комнату снаряд залетел, а она в это время на кухне была. Все разнесло в гостиной и в спальне... Хорошо, что она на кухню отошла. А так бы и ей хана была бы тоже. Как нашему соседу Володе. Парень – 28 лет, по утрам к нам приходил чай пить. Я ему говорю: «Володя, уезжай отсюда, тут жопа полная. У тебя есть куда уезжать». Он из Мариуполя родом, у него там родители, бабки, дедки. А он говорит: «Нет, До-

нецк – это мой город, никуда не поеду». И буквально на следующий день – соседка вся в слезах, идите, смотрите, Володя на улице лежит без головы. Мы пошли, а он в луже крови – 100 метров от дома. Возвращался с рынка, а тут обстрел из минометов, башку снесло осколком – и все. И кому жаловаться, и куда писать? Надо было ему уезжать в Мариуполь, у него там вся его родня и там спокойно. Мы поехали туда, мол, как беженцы от войны, а там – как узнают, что шахтеры с Донецка, так все – на работу не берут, на работу не устроиться. Говорят, есть негласный приказ – шахтеров на работу не брать. А без работы как? Жить же как-то надо на что-то...

Теперь хоть все нормально. Вчера ходил в сельсовет, берут на работу пастухом. Обещали два с половиной – три миллиона белорусских рублей (250 долларов). И хату дать. И дров на отопление. Хаты есть... Старики вымирают... Ничего... В 44-м, наверно, хуже было...

– А шахтером сколько получал?

– Семь-восемь листов (тысяч, донецкий сленг) в месяц выходило. У нас шахта взрывоопасная была. Но уголь хороший, и угля много. А сейчас, наверно, туда только два человека спускаются, газ откачивать и воду. Соседнюю шахту уже затопило. А газ надо откачивать. Если его не откачивать, он же взорваться может. Там же столько шахт. Донецк весь на шахтах стоит. Если газ ебанет, от Донецка ничего не останется.

– Как вы думаете, кто победит? – спрашивает Света, жена

Николая, – наши или нацики?

– Не знаю. Америка и Евросоюз на стороне Украины.

– Так неужели Путин нас бросит?

– Не знаю. Как договорятся.

– Если Путин нас бросит, то наших там всех побьют... А

как вы думаете, правда, что квартиры шахтеров потом бандеровцам с западной Украины отдадут?..

БЫЧКИ

Катался на велосипеде по сельской местности. По родным местам. Я знал, что мой маршрут будет пролегать рядом с фермой, где выращивают бычков, поэтому прихватил для них немного хлеба. Когда подъехал к ферме, то увидел, что бычкам не до меня – они носились по загону, а глаза их были наполнены ужасом. Несколько их собратьев уже загнали на прицеп, где они жалобно мычали.

– Куда их? – спросил я водителя, который попыхивал цыбаркой в пшеничных усах.

– Как куда? На бойню. Куда еще, – сказал мужчина, дружелюбно улыбаясь и вытирая со лба пот. – Погода сегодня хорошая, солнышко. Сейчас бы на речку...

Когда я возвращался, оставшиеся бычки уже успокоились и с удовольствием съели мой хлеб.

Чем-то мне все это напомнило рассказы о сталинских временах. Чекисты расстреляли одного моего прадеда за отказ вступить в колхоз, а другого сослали в Сибирь, где он сгинул. Интересно, как их арестовывали? Как это происходило? Как с бычками?

ДЕД ЛЯКСЕЙ КАРПОВИЧ

Дед Ляксе́й Карпови́ч сворачивает газетную самокрутку из домашней табаки и зычно покрикивает на свою 80-летнюю супругу, которая расставляет угощения:

– Машка, еп твою мары! Ходи ровно! Что ты дыбаешь согнумши? Ходи ровно, как я! Уччу ее ровно ходить, – сообщает мне Карпович. – Уччу-уччу, а толку никакого. Потому что все бабы – дуры. А ты, деточка, значит, в Ленинграде учишься? Глядел передачу по телевизору про твой Ленинград... Там эти, как их, еп их... Ну он сюды сабе укол, и тады як пьяный... Как же их, еп их мать! А! Во – аркаманы!!! А нашто это они? Тий-та у вас в Ленинграде гарелки нема?

– Да вроде есть.

– А нашто это яны тогда? Наверно, дрена́я гарелка у вас там... А ты, деточка, не аркаман?

– Нет, что вы, дедушка!

– Гляди! А то не дай бог узнаю, так тады кляуцом в лоб как ебну! И не посмотрю, что ты ученый! Гляди мне, деточка, не будь аркаманом – пей гарелку! Да! Деточка, бери бидон! У меня три останется. Мне не жалко. Три бидона мне хватит. Машка не пьет...

– Спасибо, дедушка, не возьму.

– Ты что, думаешь, что у меня гарелка как у Ивана Тарасенка – из свеклы? Деточка, да разве ж я табе гауно предло-

жу? Бери! Мою гарелку даже батюшка пьет! Разве батюшка пиу бы гауно?

Дедушка Карпович горячится и настаивает до тех пор, пока я не соглашаюсь взять бидон самогонки в Санкт-Петербург.

БЕЗВОДИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

– Дедушка! – кричу я. – А церковь в Безводичах была деревянная или каменная?

– Большая была церковь, – говорит дед Анатолий Павлович, – и народу всегда много молиться приходило. Со всей округи приходили. И при немцах приходили. И молились. Немцы церковь не возбраняли. Молись на здоровье. Это после войны партия видит – много верующих. После войны вообще – на воскресной службе люди на улице стояли. Войти нельзя было. Партия видит такое дело – тогда ж коммунизм строили... Значит надо церковь разрушить... Люди такие паскудные были. Они всегда предавали. При Сталине доносы писали, потом при немцах доносы писали. Потом немцы ушли – они опять доносы пишут. Сыманок на твоего прадеда донос написал и на батьку майго написал – и их сослали в Сибирь из-за этого доноса. Одно-единственное письмо получили от батьки: «Прибыли на конечную станцию Тында». Это в Сибири. И больше писем не было. А потом Сыманок в полициях служил, а потом, еще при немцах, на железную дорогу устроился. А потом, когда освободили, всех мужиков поголовно – в Красную армию. А кто на железной дороге – тому открепление от армии. Вот моего брата забрали в армию, 18 гадоу ему было, и все. И не вернулся. А Сыманок потом в управу на работу устроился, начальником стал...

– А церковь каменная была? – кричу я вопрос еще раз.

– Ково? Церковь? Кирпичная. Крепкая была. Долго не могли разбурить. При царе на совесть строили. И дома, и церкви. Тросами цепляли стены и трактором тянули. Мне говорят: завтра пойдешь ломать церковь. Я говорю: не могу. Грех. Они к напарнику – тот: за бесплатно ломать не буду. Платите. Они видят – деваться некуда. Ладно, говорят, заплатим. Ну, он и ломал. А я не ломал. Люди возмутились, а председатель колхоза говорит: мы из церковных кирпичей дорогу улучшим. Вот они дробили эти кирпичи и раскидывали их по дороге по Безводичам, каб грязи не было и можно проехать. Дорогу они так делали, каб им чума якая нехай! Где эта дорога?

– А немцы церковь не трогали?

– Немцы? Боже упаси. Они наоборот – молитесь, пожалуйста. Немцы и колхозы сохранили. Все работали в колхозе при немцах и получали даже троху больше, чем при советской власти. Не намного, конечно. Война все ж.

– А когда сломали церковь?

– В 53-м году, когда Сталин умер. А напарник мой потом пьяный утонул в речке. Тогда в Безводичах большая речка была. Столько рыбы было. О-ой! Все ловили: и щуки, и караси, и плотва, и окуни, и мянтузы, о-ой! И голавль даже водился. А потом – мелиорация, и речке пиздец. Тяперя в ней захочешь – не утопишься...

САРАЙ

– А этот сарай мы с тобой скоро сносить будем, сынок.

– Зачем? Он прекрасно выглядит!

– Он старый. Весь прогнил уже. Ты знаешь, сколько ему лет?

– Понятия не имею. Сколько?

Папа задумывается, скребет пятерней затылок, затем долго смотрит вверх и задумчиво сообщает мне возраст сарая:

– Так, этот сарай дед Пхырь поставил, когда Люська родилась.

– А кто такая Люська?

– Бабушка Люда, в желтой хате живет. Так! Этому сараю... Этому сараю... Ты знаешь, сынок, по-русски говоря, этому сараю пиздец.

ПСИХИЧЕСКАЯ ТРАВМА

Перестилали настил в погребе вместе с Титычем. Вспомнили, как 15 лет назад меняли доски вместе с героем войны, местной знаменитостью, дедом Иваном Палычем.

– Помню, как он меня козьим молоком угощал. Он ведь коз держал, хотя и жил один. «Пей, – говорит, – Вовка, козье молоко, каб хрен стоял!» Шустрый такой был. Юморной. Он ведь орденом Ленина был награжден, правда?

– И не только. У него и орден Славы был, и медалей много. Всю войну прошел в разведке – это тебе не того, не хрен собачий! Лучшая в деревне самогонка у него была! Потому что для себя гнал, а не на продажу!

– Да, напивался он иногда крепко. Неделями, помню, пил. Наверно, посттравматический синдром.

– Чаго?

– Войну забыть не мог. Разведка. Он мне рассказывал, как брал языков, как снимал фрицев финкой. Это ведь страшно. Ты своими руками человека убиваешь. Это ведь большая психическая травма.

– Какая травма? Нет, пил он не из-за войны, а потому, что жонку свою убил. Жонка ему изменила, а он узнал. Ну и дал ей выпятком в лантушша, а жонка и померла. Убивать, конечно, не хотел... А отмудохать, чтоб урок, это да... Любил ее очень... Прямо по-дикому... Хотел проучить, а видишь,

как вышло... Мдаа... Не все, Вовочка, в этой жизни выходит так, как ты хотел...

ЕВА АДАМОВНА

Август 93-го в Чечевичах. Каждое утро мы с Вадиком пили чай со сгущенкой, сидя в трусах на нагретом утренним солнышком крыльце деревенского дома. Крыльцо смотрело на восток и на озеро. Мы пили чай сидя на крыльце и смотрели на обрамленное соснами озеро, которое искрилось в лучах утреннего солнца.

– Я – прогорклый сибарит. Это лучше всякой медитации и духовной практики. Духовные практики – это для наивных одиноких девушек. Какой тут воздух удивительный, – сообщил Вадик, закуривая сигарету. – Дышишь – и не надышишься. Помнишь мой финский освежитель воздуха?

– Не помню.

– Не суть. Он пахнет соснами. Я им в туалете брызгаю. Люблю запах сосен. А тут – как будто освежителем попищали. Такой запах свежий. Ну прямо живые сосны...

После чая к нам приходил соседский бычок, которому мы скармливали огрызки и яблоки. Яблоки мы покупали у Евы Адамовны, которая жила в соседней хате. По ведру в день. Нам с бычком хватало. Еве Адамовне было 77 лет, и у нее никого не было. Ни детей, ни внуков, ни мужа. Но она совсем не была озлобленной бабушкой с комплексом жертвы. Она всегда встречала нас улыбкой, и голос у нее был молодой и приветливый.

Сегодня мы не пили чай, сидя на крыльце, потому что с утра моросил дождь. В конце августа теплые дни могут смениться холодными и зябкими после одного дождливого дня. И все. Унылая пора. Пытаешься найти очарование очам в серо-желтом пейзаже, и ничего не получается. Дождь навевает тоску.

– Давай вина накатим, – предложил я Вадик.

– Рано еще, 10 утра. Давай потерпим хоть до 12.

– Тоска зеленая. Кажется, осень пришла.

– Пошли за яблоками к Еве Адамовне, – предложил Вадик.

Ева Адамовна сидела в телогрейке на лавочке и смотрела на водную гладь озера.

– Здравствуйте, хлопчики, – как всегда приветливо сказала старушка, шмыгнув носом.

У нее была гладкая белая кожа, синие глаза и белоснежно седые волосы. Старческие морщины отсутствовали.

– Холодина какая сегодня, – сказал Вадик. – Мы за яблоками опять.

– Берите – вон ведро, я вам приготовила. Белый налив – это самые мои любимые яблоки!

– И мои! У вас что – сопли? Простыли, что ли?

– Вода сегодня холодная, вот я и простыла немного.

– Вы что, купались сегодня?

– А я каждый день купаюсь. Люблю воду. Плавать люблю.

– Но ведь холодина!

– Ой, хлопчики, разве это холодина? Вот когда немцы отступали и деревню жгли – вот был страх и холодина. Ой, страх. Страх такой, что ратуйте мяне. Сутки в камышах сидела. Всю деревню спалили и всех людей побили. Двоих деток моих побили. А я в камышах успела схватиться и сидела. Во страх был. И холодно. Ночью только вышла из воды. Так что сегодня – это совсем не холодина. Вода даже теплая была. Как заходишь – так холодная, а потом, как расплаваешься, так теплая становится. Даже на берег выходить не хочется. Я купаюсь каждый день. В сентябре обычно прекращаю. Ну, как холода наступают.

Ева Адамовна смотрела на озеро и улыбалась.

– Вот так, Вадик. А мы с тобой – два старпера. Завтра, бля, идем купаться с утра. Будем закаляться, как сталь.

Следующий день, к счастью, выдался солнечным. Как и вся последняя неделя августа. Просто благодать. Уезжать не хотелось. Каждый день мы приходили к Еве Адамовне за божественными яблоками, сливами, огурцами и помидорами. Она стеснялась брать у нас деньги.

В день уезда мы зашли к Еве Адамовне. Скамейка была пустой.

– Ева Адамовна! Мы уезжаем! Вы дома?

– Ой, хлопчики, прабачте, не могу выйти, нешта мне млосна. Лежу я.

– А что случилось?

– Сердце нешта болить.

– Может, скорую вызвать?

– Да не, я таблетку выпила, сейчас все пройдет.

– А мы уезжаем, спасибо вам за яблоки, Ева Адамовна!

Прощаться пришли. Не болейте!

– Приезжайте на будущий год, хлопчики! Буду ждать вас.

– А вы не болейте!

– Не буду, не буду.

...

– Какая светлая старушка!

– Вообще нежная.

– В молодости, я думаю, была красивая чикса.

– Ну даже сейчас ни одной морщины.

– Купается в озере каждый день, хули, в отличие от некоторых.

– И не бухает, в отличие от некоторых.

– И не курит, в отличие от некоторых.

– Хорошая бабулька. И яблоки у нее супер. Какие тут сосны! Надо будет на следующий год с телками сюда приехать.

– На хуй телок. Они все испортят.

– Да не испортят.

– Давай не будем...

Она умерла на следующий день.

ХОДИКИ

Помню, успел я посетить моего двоюродного деда. Ему было 85 лет. Пили чай с крыжовниковым вареньем и говорили, что лето выдалось засушливым. Согласились, что дождя завтра не будет. За окном шелестели березы. Я люблю слушать шелест берез – он погружает в мечтания. Но мешали ходики. Они очень громко тикали.

У всех стариков, которых я навещал, у всех громко тикали часы. У молодежи в квартирах часов вообще не слышно.

СЛУЧАЙ НА РЫНКЕ

На рынке в Шклове аккуратная седая старушка продает рассаду.

– Ах, какие у вас огурцы хорошие!

– Женщина, лучше гуркоу вы на етом рынке не найдете!

– Это правда, я уже все обошла, у вас самые лучшие. Ну и сколько они стоят?

– Пять тысяч (30 центов) штука. Продаю восемь горшочков – все, что в коробке. Берите, женщина, не пожалеете. За все – 40 тысяч (2,5 доллара).

– А что так дорого? У меня столько грошей нема. Давайте за 35 (2,34 доллара)!

– Женщина, давайте, ни вам – ни мне: 37 тысяч!

– За 36 куплю.

– Ну ладно, женщина, берите.

– Во спасибочки вам. Пересчитайте гроши.

Бабулька-продавец пересчитывает деньги и говорит:

– А я вот мужа недавно похоронила. 40 дней вот недавно было.

– Пил?

– Что вы, женщина, и не пил, и не курил, и ни разу руку на меня не поднял!

– Вы – счастливая женщина, я вам скажу! Это большая редкость – такой муж! Чтоб не пил, и не бил, и не курил!

– А у вас – живой?

– Не, памер дауно.

– Пил?

– Ну выпивал. Ну не так чтобы, напивался, как латрыга, разума не терял, работающий был. Ну как все. Так что вот так.

– Ну, приходите еще. У меня еще хорошие помидоры есть.

Перцы надо? Кабачки, петрушка, гарбузы...

– А у меня уже все это есть.

– Жалко...

НУ ЩАСЬЛИВО

Удим рыбу с моим дядькой на живописной белорусской речке. Мимо проплывает мужик на резиновой лодке. Он узнает моего дядьку.

– Ти поймали чаго?

– Та так. Троху поймали.

– Чаго поймали?

– Пару плоток, окунька, уклеюку.

– А где Иван?

– Так ен жа памер неделю назад.

– Иди ты! Я ж с ним рыбу лавиу дней десять назад... В позапрошлом воскресенье... Ен жаж ня пиу. Год до пенсии...

– Во памер. И ня пиу, и ни на что не жаловался. Вот так бывает...

– Жалко... А я щуку поймал только что в соседнем виру на спиннинг.

– Большую?

– С кило. Можа больше. Попробую на фидера половить в соседнем виру. Там хлопцы ладных лещей тягали.

– Комаров селита нешта много.

– Да, эта мошка заебала. Я уже чем только не прыскался – не помогает.

– Ну а мы скоро пойдём. Жарко.

– Ага, ну щасьливо.

ПОМИНКИ

Ивану Тарасенку очень хотелось поскорее выпить, поэтому он первым взял слово на поминках.

Поминали бригадира доярок Алексея Ивановича Зычкова, бабника и выпивоху, которого любили все мужики деревни за готовность угостить хорошей самогонкой в любое время суток. Деревенские бабы тоже любили Алексея Ивановича, но по другой причине.

Иван Тарасенок торжественно поднял чарку с водкой, которую нежно сжимал огромными пальцами. Чарка выглядела миниатюрной и беззащитной в мощных клешнях Ивана Тарасенка.

Сидящий за столом дед Алексей Карпович напрягся и неодобрительно посмотрел на выскочку. Предполагалось, что первое слово должно было принадлежать ему, деду Алексею Карповичу, – он воевал вместе с покойным, дружил с ним, разделял его любовь к самогону и прекрасному полу, был на него похож задиристостью и жил в соседней хате.

– Выпьем за упокой души раба божжага Ляксея Карпыча, – сказал Иван Тарасенок и заглотил чарку с водкой.

Присутствующие встали и торжественно выпили.

Алексей Карпович тоже торжественно выпил вместе со всеми, но по завершении рюмки сообразил, что Иван Тарасенок перепутал отчество:

– Еп тваю мары! Я ящэ жывый! – сказал Алексей Карпович и полез в драку.

Гостям стало неудобно. Жена покойного попыталась замять ситуацию. Замять ситуацию принялись все, кроме Ивана Тарасенка, который налил себе вторую чарку и самостоятельно и молча помянул покойного.

Пока гости успокаивали разгоряченного Алексея Карповича, Иван Тарасенок молча помянул покойного третий раз.

– Извинись перед Алексеем Карповичем, он еще живой, – сказали гости Ивану Тарасенку, наливающего себе четвертую.

– Я знаю, что он живой. Он сидит с нами тут за столом, чаго яму быть неживым?

– Ты назвал покойного Алексея Ивановича Алексеем Карповичем! А он еще живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.